

УДК / UDC 130.2 : 781 (470)

Музыка и философия: проблема самосознания нации в русской оперной классике

Н. В. Бекетова¹, Т. П. Самсонова²

¹ *Российская государственная консерватория им. С. В. Рахманинова,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация*

² *Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Введение. В статье рассматривается «классический» период русской музыки (XIX – первая треть XX века) с точки зрения её взаимосвязи с философскими проблемами того времени, когда активно обсуждалась тема самосознания нации. Эта тема находила непосредственное или опосредованное отражение в оперном творчестве русских композиторов. Статья предлагает обсуждение исследовательского поля музыки в ракурсе философии.

Материалы и методы. В статье предпринят междисциплинарный подход, где музыка и философия являются в «зеркальном отражении» друг друга, обращаясь к общим экзистенциальным проблемам русского человека и русского общества. Авторы рассматривают существенные суждения русских философов о качестве и свойствах национального самосознания, показывают связь этих суждений с принятой в России системой православных ценностей и анализируют отражение этих ценностей русским музыкальным искусством в нравственном содержании ряда великих оперных произведений.

Результаты исследования. Философское осмысление русской истории предполагает постановку нравственных вопросов, которые связывают смысл и направление национальной истории с историей мировой. В статье показана способность музыки прозревать и проявлять самые «болевые» точки взаимоотношений личности и общества, быть нравственным ориентиром в опознании и предупреждении грядущих социальных конфликтов.

Авторы показывают историческое движение в русской оперной музыке от гармонического образа национального самосознания в опере М. И. Глинки «Жизнь за царя», через трагические откровения М. П. Мусоргского в его операх «Борис Годунов» и «Хованщина», к образам предельного обесчеловечивания общества в операх С. С. Прокофьева («Игрок») и Д. Д. Шостаковича («Леди Макбет Мценского уезда»).

Выводы. В статье делается вывод о необходимости изучения исторического дискурса российской философской мысли в его взаимосвязях с музыкальной культурой России «классического» периода, что поможет углубить понимание взглядов на самосознание нации.

Ключевые слова: философия, музыка, культура, национальное самосознание, государство, народ, личность, ценности, опера.

Для цитирования: Бекетова Н. В., Самсонова Т. П. Музыка и философия: проблема самосознания нации в русской оперной классике // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2020. – № 3. – С. 105–120.

Music and philosophy: the problem of national self-consciousness in Russian opera classics

Natalia V. Beketova¹, Tatyana P. Samsonova²

*¹Rakhmaninov Russian State Conservatory,
Rostov-on-Don, Russian Federation,*

*²Pushkin Leningrad State University,
Sankt-Peterburg, Russian Federation*

Introduction. The article examines the “classical” period of Russian music (XIX– the first third of the XX century) from the point of view of its relationship with the philosophical problems of the time when the topic of national self-consciousness was actively discussed. This theme was reflected directly or indirectly in the operatic works of Russian composers. The article offers a discussion of the research field of music from the perspective of philosophy.

Materials and methods. The article takes an interdisciplinary approach, where music and philosophy are in a “mirror image” of each other, addressing the common existential problems of the Russian people and Russian society. The authors examine the Russian philosophers’ essential opinions about the quality and properties of national self-consciousness, show the connection of these opinions with the system of Orthodox values adopted in Russia, and analyze the reflection of these values by Russian musical art in the moral content of a number of great opera works.

Results. The philosophical understanding of Russian history presupposes the setting of moral questions that link the meaning and direction of national history with the history of the world. The article shows the ability of music to see through and show the most “painful” points of the relationship between the individual and society, to be a moral guide in identifying and preventing future social conflicts.

The authors show the historical movement in Russian opera music from the harmonic national identity image in Glinka's Opera “Life for the Tsar”, through the tragic revelations of M. P. Musorgsky in his operas “Boris Godunov” and “Khovanshchina”, to the images of the ultimate dehumanization of society in the operas of S. S. Prokofiev (“Igor”/“The Player”) and D. D. Shostakovich (“Lady Macbeth of the Mtsensk district”).

Conclusions. The article concludes that it is necessary to study the Russian philosophical thought historical discourse in its interrelations with the “classical” period of Russian musical culture, which will help to deepen the understanding of views on the Russian nation self-consciousness.

Key words: philosophy, music, culture, national self-consciousness, state, people, personality, values, opera.

For citation: Beketova, N. V., Samsonova, T. P. (2020). Muzyka i filosofiya: problema natsional'nogo samosoznaniya v russkoi opernoi klassike [Music and philosophy: the problem of national self-consciousness in Russian opera classics] *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No. 3. pp. 105–120. (In Russian).

Введение

На протяжении всего «классического» периода русской музыки (XIX – первой трети XX века) отечественная художественная мысль активно обращалась к проблеме *самосознания нации*, будоража лучшие умы и вызывая к жизни суждения, касающиеся фундаментальных основ существования российского государства. Неслучайно век XIX отмечен постоянным обращением творцов русской культуры к исторической теме.

Характерно, что уже самое начало «классического» периода русского искусства получило нетленную пушкинскую формулу: «Человек и народ – Судьба человеческая, судьба народная», которую можно считать источником общенациональной исторической методологии.

Вершины русской музыки осветили путь русской нации и русского государства в его историческом движении – от гармонической модели национального самосознания («Жизнь за царя» Глинки) до трагических откровений Мусоргского («Борис Годунов» и «Хованщина»), и далее – к тревожащим музыкальным образам Чайковского, Римского-Корсакова, Стравинского, Рахманинова. А в творчестве Прокофьева и Шостаковича эта динамика достигает предельной степени обнажения, в образах обесчеловечивания общества, порождая музыкальное отражение своей исторической реалии – тоталитарного сознания.

Проблема национального самосознания – это проблема народа, власти и интеллигенции, личности и государства. Собственно, это проблема существования нации как единой социокультурной системы, общественного организма, сцементированного политическими, экономическими, этническими и территориальными связями [15, с. 466–468].

Эта тема находила непосредственное или опосредованное отражение и в русской музыкальной классике. Статья предлагает концептуализацию сопряжения отечественной философской мысли с классическим музыкальным (оперным) творчеством русских композиторов.

Идеи данной статьи определяются сходством целей русской художественной и философской мысли, обеспокоенных нравственными проблемами русского самосознания. В этом ракурсе выстраивались используемые литературные и

философские источники. Как пишет А. Ф. Лосев в своей работе 1918 г., «русская философия никогда не занималась чем-нибудь другим помимо души, личности и внутреннего “подвига”» [14, с. 90].

Цельность «русского логоса» выразилась в специфике возникновения отечественного философского мышления рядом и, можно сказать, вместе с мышлением художественным – с живым и полнозвучным русским словом. В работе «Русская философия», акцентируя самобытность русского мышления, далёкого от западного рационализма, Лосев утверждает:

«Русская художественная литература – вот истинная русская философия, самобытная, блестящая философия в красках слова, сияющая радугой мыслей, облечённая в плоть и кровь живых образов художественного творчества. Всегда отзывчивая к настоящему, ... русская художественная литература всегда была сильна мыслью о вечном, ... в глубине её шла неустанная работа над самыми важными неумирающими и значительными проблемами человеческого духа, с проклятыми вопросами она почти никогда не расставалась» [14, с. 72–73].

В этом ракурсе приводятся в данной статье суждения русских мыслителей разных направлений и поколений. Мы намеренно не используем иноязычную литературу, ибо привлечение её увело бы нашу проблему в совсем далёкое русло: как известно, оценки происходящего в России слишком разнятся в источниках отечественных и западных. Меж тем как уровень отечественной проблематики предостаточно для самобытной постановки вопроса – тем более, учитывая полную неразработанность данной проблематики в избранных «перекрестьях» знания.

Обзор литературы

Убеждённый государственник П. А. Столыпин, зная внутренние проблемы России и желая видеть её великою, утверждал: «Народ, не имеющий национального самосознания, – есть навоз, на котором произрастают другие народы». Констатируя эту нелицеприятную правду, Столыпин провидел реальный путь укрепления государства политически и экономически: «Реформы и порядок» – без чего «невозможно создание истинно свободной России. Путь прост, но «хорош тем, что ведёт не к “великим потрясениям”, а к “великой России”» [16, с. 28, 30]. Намерения Столыпина совершенно конкретны: «главная задача – укрепить низы. В них вся сила страны. Их более 100 миллионов! Будут здоровы и крепки корни государства... Дружная, общая, основанная на взаимном доверии работа – вот девиз нас всех, русских!» [16, с. 365, 366].

Отвечая на вопрос «Будет ли существовать Россия?» (см., например, статью Г. Федотова 1929 г. с таким названием) утверждением о неизбежном возрождении нации, русская мысль с присущей ей волей к очевидности акцентирует проблемы духа, связывая их остроту с утратой священного во всей человеческой жизни.

«Первый долг для нас – долг самопознания – упорный труд по изучению и осмыслению нашего прошлого; <...> путь творческого покаяния, трудовой трезвости, переоценка, перестройка всей жизни – вот путь России, наш общий путь», пишет Г. Федотов в 1928 году ... «Без работы, без подвига – России нам не спасти, ибо трудна, бесконечно трудна работа её восстановления. Труд этот, прежде всего, должна на себя взять русская интеллигенция, задача которой – будить в себе, растить и осмыслять, “возгревать” национальное сознание... Мы должны изучать Россию, любовно вглядываться в её черты, вырывать её в земле закопанные клады» [18, с. 449, 456].

Русская культура сохранила для нас сегодняшних живой опыт самопознания нации, исполненный непреходящих нравственных уроков. У корней своего новейшего этапа – в творчестве А. С. Пушкина – она явила историю национального духа. В образах Смутного времени Пушкин наглядно живописует проблему национального сознания, понятую им как трагическое противоречие свободы и рабства, оно же – противоречие духовного и бездуховного (подробнее см.: [4]).

Именно так и стоял вопрос в русских художественных творениях XIX века и, вслед за их появлением, когда пророчества искусства на глазах стали превращаться в исторические реалии, – в русской философской мысли, с её ярко выраженной этической направленностью, её озабоченностью грядущими историческими путями России.

Современники российской «смуты» XX века, пленники ГУЛАГа (А. Ф. Лосев, П. А. Флоренский) и пассажиры «философского парохода» 1922 года (Н. А. Бердяев, Б. П. Вышеславцев, Г. П. Федотов, С. Л. Франк, П. А. Сорокин и др.) всю последующую жизнь пытаются осмыслить случившееся со страной и соотнести это с личным опытом самосознания.

«Я пережил мир, весь мировой и исторический процесс, все события моего времени, как часть моего микрокосма, как мой духовный путь» – заявляет Н. А. Бердяев в 1940 году, в пору написания предисловия к своей философской автобиографии («Самопознание»). «История не щадит человеческой личности и даже не замечает её. Я пережил три войны..., две революции в России..., духовный ренессанс начала XX века, потом русский коммунизм, кризис мировой культуры..., я сидел четыре раза в тюрьме..., был выслан из своей родины, и, вероятно, закончу свою жизнь в изгнании...» [8, с. 7, 8].

Казалось бы, для одной жизни достаточно, но перечень далеко не закончен. И так мог бы характеризовать себя в своём времени каждый житель этой страшной эпохи. Отсюда такая жажда самопознания, типичная для русской мысли поры невероятных масштабов исторической катастрофы.

«Если бы кто-нибудь предсказал ещё несколько лет тому назад ту бездну падения, в которую мы теперь провалились и в которой беспомощно барахтаемся, ни один человек не поверил бы ему... Даже в Смутное время разложение страны не было, кажется, столь всеобщим..., как в наши дни; и на ум приходят в качестве единственно подходящих примеров грозные, полные библейского ужаса мировые события внезапного разрушения великих древних царств...», – писал С. Л. Франк в 1918 г. [19, с. 251].

Рассматривая знаковые явления Гоголя, Достоевского и Толстого, указывая различные пути грядущего в России торжества «антихристовой диалектики», Бердяев констатировал: «Многое старое, давно знакомое, является лишь в новом обличье ... духов, давно уже обнаруженных в творчестве наших великих писателей, бесов, давно уже владеющих русскими людьми» [6, с. 55].

Аналогичные настроения наблюдаются и в области бытования русской музыки, воспитанной идеями Гоголя и Достоевского [2], чутко реагирующей на порчу человеческой природы, чреватую возникновением «зверя в человеке».

К сожалению, исследовательских работ, посвящённых анализу исторического становления в русской музыке «концепции раба и хама» не имеется¹. Отражение в музыке отдельных аспектов формирования тоталитарного сознания, рассматривается преимущественно в «привычно-стилевом» ракурсе (как то имеет место, например, в классических музыковедческих работах о творчестве Д. Д. Шостаковича).

Вся история русской музыкальной классики удивительным образом совпадает с логикой самопознания нации, концептуальное выражение которого прослеживается в славянофильских работах И. Киреевского и А. Хомякова, которые были «философией цельной жизни духа, а не отсеченного интеллекта, не отвлечённого рассудка», провозгласившей смысл и ценность «истины, как пути к жизни» [14, с. 71].

Музыкальный язык выражения национального самосознания задаётся в XIX веке, по нашему мнению, двумя важными темами – гармонического (Глинка, Римский-Корсаков) и кризисного (Мусоргский, Чайковский, частично – Бо-

¹ Исключением, вероятно, является кандидатская диссертация одного из авторов этой статьи (см.: Бекетова Н. В. Трагическое и сатирическое в операх Д. Д. Шостаковича. Дисс. канд. иск. М., 1991), где рассматривается процесс постепенного формирования поэтики трагедии-сатиры Шостаковича в связи с осмыслением композитором опыта русской оперной музыки XIX века, предвещавшего возможность тоталитарного сознания.

родин, Рахманинов) сознания [1; 3; 5]. В исторических мистериях Мусоргского это приняло вид эпохальных пророчеств личностного и государственного уровня. Наследником его стал Сергей Рахманинов – современник и свидетель революции в России, запечатлевший эту катастрофу в музыкальных шедеврах невероятной трагичности.

Однако, если вернуться к эпохе «первоначал», которая неслучайно именуется *пушкинско-глинkinской*, то заметим, что пушкинский «пугачёвский» 1836 год («Капитанская дочка») характерен также явлением России музыкального монолита «Жизни за царя» Глинки, где целостное триединство Бог-Царь-Отечество утверждено как норма идеального мироустройства, как общий для всех и обязательный всем закон [3]. Этот закон незыблем в «Жизни за царя» в качестве основы единения личности, народа и государства, материального и духовного, природного и человеческого, идеального и социального, мужского и женского, где мужчина – спаситель семьи и отечества, а женщина – икона, отражающая его возлюбленный лик.

Потому столь мощно звучит в опере Глинки хор (опера эта – первенец русской хоровой оперной культуры), в котором, по мнению И. Ильина, как нигде, самобытно и совершенно, выражается российская личная духовность. «Русский поющий хор есть истинное чудо природы и культуры, в котором индивидуализированный инстинкт свободно находит себе индивидуальную и верную духовную форму и свободно слагается в социальную симфонию» [10, с. 241]. Живой опыт личной духовности – опыт веры, совести, чести, верности, любви, патриотизма и национального чувства – являют все национальные характеры оперы. Здесь русское искусство и мысль сливаются в общем императиве:

«Духу подобает личная форма. Личной духовности подобает самостояние. Человек должен быть центром самообладания и самоуправления – духовным характером нравственной личностью, субъектом права. Тогда личный дух может править личным инстинктом, а личный инстинкт – строить жизнь организма, а родовая духовность и родовый инстинкт остаются тайным резервуаром сил, – как бы “матерью-сырой землей”, припадание к которой дарует человеку древний опыт и новую силу» [10, с. 241].

Однако резким контрастом с этой вдохновенной картиной народного духа звучит трезвое суждение Г. Федотова о виновниках национального крушения в революционную эпоху; это три русские общественные силы: интеллигенция, власть и народ [18, с. 451–452]. И если первые две «силы» относительно объяснимы в своих мотивах («западничество» первой и реакционность второй), то «выветривание национального сознания» у третьей «силы» – народа (с его отказом защищать империю и безразличием к утрате территорий), вызвало по сей день не преодоленную растерянность.

Отсюда и пошли объяснения, увязывавшие кризис национального самосознания с кризисом «устоев» – православной веры и монархии. По словам Г. Федотова:

«Религиозная идея православного царя могла подвигнуть народ на величайшие жертвы, на чудеса пассивного героизма. Но государственный смысл этих жертв был ему недоступен, Падение царской идеи повлекло за собой падение идеи русской. Русский народ распался, расплылся на зернышки деревенских мирков, из которых чуждая сила, властная и жестокая, могла строить любое государство, в своем стиле и вкусе» [18, с. 453].

В конце XX века вектор трактовки не сильно изменился. Отрыв личности от коллективного сознания, переход её на путь «пагубного своеволия и гордого самовластия», – по выражению митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна [12, с. 193], – вот, что объявлялось причиной «русской смуты». Такое видение стало своего рода стереотипом.

Материалы и методы

В статье предпринят междисциплинарный подход, где музыка и философия являются в «зеркальном отражении» друг друга, обращаясь к общим проблемам существования русского человека и русского общества. Ведущим методом в исследовании категорий «самопознание» и «самосознание» стал источниковедческий. Материалом послужили работы русских писателей и философов начала XX века, русская музыка конца XIX и начала XX веков. Были использованы сравнительные и аналитические методы исторических, философских, источниковедческих знаний, цитирование редких источников.

Результаты исследования

«В настоящий исторический момент человечество стоит на перепутье... – заметил в канун великой российской катастрофы князь Евг. Трубецкой, – Что же победит в нём – культурный зоологизм или то “сердце милующее”, которое горит любовью ко всей твари? Чем надлежит быть вселенной – зверинцем или храмом?» [17, с. 36].

В 1920 году, уповая о спасении на его глазах гибнущей России, В. Г. Короленко писал А. В. Луначарскому о кардинальной ошибке коммунистов, исходящей от славянофильского мифа о «народе-богоносце»:

«самая легкость, с которой вам удалось повести за собой наши народные массы, указывает не на нашу готовность к социалистическому строю, а, наоборот, на незрелость нашего народа», далеко отставшего в воспитании нравственной культуры, лишённого национального достоинства и самоуважения» [13, с. 248, 250].

Незрелость и рыхлость национального характера соответствует незрелости и рыхлости народного хозяйства (И. Ильин). И при этом – «есть роковая для России взаимосвязь между тоталитарной властью сверху и добровольным люмпенством снизу» (Н. Лесков).

Блестящая серия образов русской тоталитарной государственности в поздних операх-сатирах Римского-Корсакова подтверждает сказанное. Государства-оборотни, антимир государственного идеала «Святой Руси» (показательны и сами их названия: Тьмутаракань, Додонова царство, Кащеево царство), они провинциальны, бестолковы, безукладны, убоги. И народ, и его цари – «нерадивы и нечистоплотны, невежественны и ущемлены» (как о том говорит М. Волошин в поэме «Россия», 1920). Правители – выродившиеся извращенцы, народ – послушное стадо холопов, готовое мимикрировать в толпу насильников и убийц из гротескных оперных кошмаров XX века.

Сочный образ «Грядущего Хама» моделирует концепция предостережения Римского-Корсакова, предвосхищая и обобщая опыт первой русской революции («Сказка о царе Салтане» – 1900 год, «Кащей Бессмертный» – 1902, «Золотой петушок» – 1907). И она же обозначает пути к восстановлению разрушенного – христианским подвижничеством девы Февронии, её живым любящим сердцем («Сказание о невидимом граде Китеже», 1904). Феврония – символ русской души, которая, истинная, «не может пребывать в рабстве... Личная духовность в России всегда имела свободное дыхание в области веры, ибо Православие... всегда утверждало *лично бессмертную и лично ответственную душу...*, личное, автономное совестное делание» [11, с. 246]. Подвиг веры и любви, искупающий грехопадение нации и государства – сквозная тема русского искусства; идея Воскрешения [2], отражая реалии русской истории, всегда уравнивает идею Апокалипсиса, апеллируя к объективным свойствам национального сознания.

П. А. Сорокин пишет об энергии, упорстве и изобретательности русской нации в политической, военной, хозяйственной областях, которые позволяли ей выходить из самых тяжелейших катастроф, вновь и вновь устремляясь по пути могущества и процветания [15, с. 476–478]. Этот путь обретается через мужественное покаяние, очищение, в жестоких муках данное прозрение, – учат русское искусство и русская философия.

Философская мысль начала XX века выстраивала концепцию овладения собственной национальной стихией. В этом виделась первозадача русского человека, которому «предстоит сделаться из “особи” – личностью, из соблазние-

мого “шатуна” – характером, из “тяглеца” и “бунтовщика” – свободным и лояльным гражданином. Тогда Россия окончательно превратится из песчаного вихря – в художественное здание несокрушимой прочности. Она станет поющим хором и хаос не будет ей страшен» [10, с. 246–247]. Утверждая постулаты «абсолютной нравственности», которые русская философская мысль начала XX века могла почерпнуть в практике «абсолютной истины православия», русские философы, по сути, транслировали «абсолютные нормы» русской общественной и личной жизни, воспитанные историей и многовековым существованием русской православной культуры.

Однако трагические события начала XX века – мировая война и русские революции, – к которым Россия оказалась не готова, показали те изъяны в нормах духа и самосознания, о которых позже говорила вся русская философская эмиграция, чающая возрождения России. В трудах эмигрантских мыслителей систематизируются представления о типе российского самосознания и о грядущем историческом пути «оккупированной большевизмом» России. Исследовалась диалектическая антиномичность российских реалий, в которых сталкиваются полюса национального характера – источника великой тайны русской истории и русской души (антиномии анархизма и величайшей государственности, национализма и глубочайшего национального бескорыстия, мужественного и женственного, свободы и рабства). Изобилие антиномий свидетельствует, быть может, о мессианском смысле судьбы России. Но непрощённость русского духа, отсутствие духовного закала личности привело Россию к катастрофическим реалиям русской истории.

Обращает на себя внимание изобилие названных черт, провидчески прозвучавших в русской музыке за 100 лет до работ Бердяева, Франка и др. философов в эмиграции. Именно музыка, в силу своей способности отражать внутренний мир человека, дерзала раскрывать самые глубокие и «непознаваемые» противоречия русской души.

Русская музыка оказалась родственна величайшим открытиям Достоевского. Параллельного его творчеству, Мусоргский и Чайковский вскрыли глобальные противоречия русской души и русской истории. Отметим подчёркнуто экзистенциальную природу этих противоречий, в которых осуществлялось «явление духа, обозначающее поворот внутрь, к духовной глубине человека, к духовному опыту, возвращение человеку его собственной духовной глубины, прорыв через замкнутую “материальную” и “психологическую” действительность» [7, с. 40, 41].

К глубинам мистического прозрения адресует мистериальная сцена преступного царя Бориса с курантами («голосом совести» в опере Мусоргского «Борис Годунов»); вспомним мистическое кружение оборотня-«Берёзы» в финале Четвёртой симфонии Чайковского; вспомним финальную сцену сумасшествия – раскаяния грешного отца в опере «Русалка». Даргомыжского. Этот своеобразный «мистический реализм» шедевров русского музыкального искусства рождён самой бесконечностью русской души, о которой говорит Бердяев, её «сгоранием» в пламени искания абсолютной божественной правды – ради и для спасения всего мира и всеобщего воскресения к новой жизни.

«Эсхатологизм нашего духовного типа» пророчески проявляет себя в бердяевской концепции русского Апокалипсиса в связи с представлениями о русской революции как феномене метафизическом и религиозном, с идеей самоистребления человека во имя идеи сверхчеловека, перерождения гуманизма в антигуманизм. На путях самоутверждения человеческой гордыни происходит внутренний крах человека, подрывается сознание его мощи, и в этом русский мыслитель находит одно из самых парадоксальных противоречий всего гуманизма новой истории:

«Чисто русская тема – суд над гуманизмом» (суд, который свидетельствует о чуждости «русских истин» европейскому индивидуалистическому прагматизму). «Русской душе не сидится на месте, это не мещанская душа, не местная душа ... Русская душа сгорает в пламенном искании правды, абсолютной божественной правды и спасения для всего мира и всеобщего воскресения к новой жизни». Это «какое-то бесконечное искание, искание невидимого града Китежа, незримого дома» [6, с. 35].

Высота национального идеала неслучайно выбирает своей героиней – святую деву Февронию («Сказание о невидимом граде Китеже» Римского-Корсакова, 1905), свидетельствуя историческое торжество софийности в русском искусстве (параллельно с «софийным» учением Вл. Соловьёва).

Однако, из антиномичного «плюсования» русской трагедийной ситуации на рубеже веков рождается и «достоевская» опера Прокофьева «Игрок» (1916) – классический «дьявол в водевиле» новой эпохи, старт которому дан романами Достоевского и музыкальными прозрениями Мусоргского и Чайковского. Здесь «плач о человеке» и «мировая боль» прослаивают смешение высочайших прозрений духа с ужасом и пошлостью, хохотом и отчаяньем. (Показательна финальная сцена «Игрока», где главная героиня, совершенно «в духе поведения» Настасьи Филипповны, эпатажно бросает в камин «выигранные для неё героем 200 тысяч»...). Предельность полюсов добра и зла, живого и мёртвого, позиций сердца и позиций кармана, – характеризуют тип русской трагедии. Это

– тип «преступления и наказания»: преступления законов христианской нравственности из-за ложно направленной свободы, разрушившей соборное начало личности. Отсюда – новое (замятинское) «Мы»: бессмысленное и безответное тождество трёх финалов-«голошений» (2-го, 3-го и 4-го действий), где идентично-натуралистический музыкальный тематизм («голошения») символизирует равно обесмысленные и бессильные в своих притязаниях потуги погрязших в противоречиях «маленьких “я”». Трагедия, где свобода переходит в своеволие, своеволие – в зло принуждения, зло ведёт к преступлению, преступление с внутренней неизбежностью – к наказанию.

Таково наполнение русского «смеха сквозь слёзы», рождающего непреодолимую «мировую боль» в романах Достоевского, в операх Мусоргского и Чайковского, в пророческом пространстве которых разыгрывается непостижимая искреннему чувству концепция лицемерия с центральным противоречием «свободы-рабства», логическое развитие которого ведёт к развитию тоталитарного сознания, к идее революции как отцеубийства (именно таковы страшные своей механистичностью сцены убийств отца и сына Измайловых в трагедии-сатире Шостаковича – двух насильников, самих ставших жертвами очередного насилия).

Наступательное шествие в русской музыке образов зла, разрушающих «человеческую» интонацию, их скопление к концу века в симфонических трагедиях Чайковского (симптоматичной параллели «Пляскам смерти» Мусоргского), их символическое воплощение в открывающих XX век образах тоталитарной государственности у Римского-Корсакова, манекенного и марионеточного мира у Стравинского, далее – в экзистенциальных трагедийных опусах Рахманинова, – красноречиво иллюстрируют глобальные последствия проблемы «человек и машина».

Прогрессирующее нарастание индивидуализма (субъективизма, нигилизма), усугубление тяжелейшего противоречия личности и общества, формирует поэтику катастроф XX века с её ужасающими картинами катастрофы нравственности, с присущей ей однообразной механикой бесстыдства, с пароксизмами души, которая мучается и погибает в мире, оставленном Божественной любовью. «Человек признаётся средством и орудием нечеловеческого коллектива» – напишет Бердяев в работе «Смысл истории». А в современной этой эпохе музыке Шостаковича явится чудовищный социальный макабр толпы, пожирающей «из себя выделившихся» – гротескная метафора коллективного рабства и хамства, массового безумия, воплощённого в огромных зонах утрированной моторики (сатирическая опера «Нос» 1927 г. и трагедия-сатира «Леди Макбет Мценского уезда» 1934 г.).

Таков же этот социальный «монстр» и в апокалипсических финалах Прокофьева. Извращение и оборотничество как «норма» социального бытия человека, подмена живого мёртвым, духовного – бездуховным, победа твари над Творцом составляют концепционную суть этих трагедий.

«Оттого с особой силой звучит призыв к самосознанию у Достоевского. Этот величайший изобразитель демонических сил души хорошо знал, что одержимость преодолевается только путём самосознания, познания самого себя», – напишет русский философ Б. П. Вышеславцев [9, с. 5].

Сознавая экзистенциальность как глубинную основу самосознания, этот мыслитель утверждал принципиальную разрешимость трагического противоречия, «даже если в данный момент решения ещё не видно. И решение трагического противоречия означает спасение» [9, с. 256–257].

Выводы

В заключение констатируем существенное совпадение открытий русской художественной (в нашем исследовании – музыкальной, представленной в жанре оперы) и философской мысли, находящихся на страже спасения «человеческого в человеке» (по слову Шостаковича).

Феномен «внутреннего человека», его бытие в мире людей, зависящее от меры следования «всем обязательному и всем общему закону», были исследованы и утверждены русской музыкой задолго до наступления прискорбных исторических реалий XX века, современниками и страстотерпцами которых стали многие замечательные русские мыслители.

Изучение исторического дискурса российской философской мысли в его взаимосвязях с музыкальной культурой России «классического» периода поможет углубить понимание взглядов на самосознание нации.

Список литературы

1. Бекетова Н. В. «Князь Игорь» А. П. Бородин: на путях русской истории // Богослужбные практики и культовые искусства в современном мире / ред.-сост. С. И. Хватова. – Т. 1. Вып. 3. – Майкоп: Изд-во «Магарин О. Г.», 2018. – С. 317–342.
2. Бекетова Н. В. Концепция Воскрешения в оперном творчестве Мусоргского и Шостаковича // Отечественная культура XX века и духовная музыка / отв. ред. Т. В. Франтова – Ростов-на-Дону: Тип. Ростоблисполкома, 1990. – С. 155–157.
3. Бекетова Н. В. Праздник русской музыки: «Жизнь за царя» Глинки как национальный миф // Южно-Российский музыкальный альманах. – Ростов-на-Дону, 2004. – №. 1. – С. 20–31.
4. Бекетова Н. В. Проблема веры в отечественной культуре как проблема свободы // Музыкальное искусство и религия. – М.: Изд-во РАМ имени Гнесиных, 1994. – С. 80–91.

5. Бекетова Н. В. Творчество Рахманинова в свете традиции русской историософии // Южно-Российский музыкальный альманах. – Ростов-на-Дону, 2019. – № 1 (34). – С. 25–31.
6. Бердяев Н. А. Душа России. – М.: Центрполиграф, 2016. – 254 с.
7. Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского // Н. А. Бердяев о русской философии. Ч. 1. – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1991. – С. 26–148.
8. Бердяев Н. А. Самопознание (опыт философской автобиографии). – М.: ДЭМ, 1990. – 336 с.
9. Вышеславцев Б. П. Этика преображённого эроса. – М.: Республика, 1994. – 368 с.
10. Ильин И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 гг.: В 2 т. Т. 1. – М.: МП Рарог, 1992. – 344 с.
11. Ильин И. А. Путь к очевидности. – М.: Республика, 1993. – 431 с.
12. Иоанн (Снычев), митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. – СПб.: Изд-во Л. С. Яковлевой, 1994. – 352 с.
13. Короленко В. Г. Летопись жизни и творчества. 1917–1921. – М.: Книга, 1990. – 284 с.
14. Лосев А. Ф. Русская философия // Лосев А. Ф. Страсть к диалектике. – М.: Советский писатель, 1990. – С. 68–101.
15. Сорокин П. А. Основные черты русской нации в XX столетии // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М.: Наука, 1990. – С. 463–489.
16. Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 411 с.
17. Трубецкой Е. Н. Умозрение в красках // Трубецкой Е. Н. Три очерка о русской иконе. – М.: Инфо-Арт, 1991. – С. 3–38.
18. Федотов Г. П. Будет ли существовать Россия? // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М.: Наука, 1990 – С. 450–462.
19. Франк С. Л. De profundis // Из глубины. Сборник статей о русской революции. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – С. 251–269.

References

1. Beketova, N. V. (2018). “Knyaz' Igor” A. P. Borodina: na putyakh russkoi istorii [“Prince Igor” by A. P. Borodin: on the paths of Russian history] In: *Bogoslužebnye prektiki i kul'tovye iskusstva v sovremennom mire*, redactor-sostavitel' S. I. Rhvatova. [Liturgical practices and cult arts in modern the world], Vol. 1. Issue 3. Maikop: Izdatel'skii dom “Magarin O.G.”, pp. 317–342.
2. Beketova, N. V. (1990). Kontsepsiya Voskresheniya v opernom tvorchestve Musorgskogo i Shostakovicha [The concept of Resurrection in the operatic creativity of Musorgskii and Shostakovich] In: *Otechestvennaya kultura 20th veka i duhovnaya muzyka*, redactor T. V. Frantova [Domestic culture of the 20th century and spiritual music]. - Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Rostoblispolkoma, pp. 155–157.
3. Beketova, N. V. (2005). Prazdnik russkoi muzyki. “Zhizn' za Tsarya” Glinki kak natsional'nyi mif [The festival of Russian music: “Life for the Tsar” by Glinka as a national myth] *Yuzhno-russkii muzykal'nyi al'manah* [South-Russian Musical Almanac]. No. 1. Rostov-na-Donu: RGK imeni S. V. Rakhmaninova, pp. 20–31.

4. Beketova, N. V. (1994). Problema very v otechestvennoi kul'ture kak problema svobody [The problem of faith in Russian culture as a problem of freedom] In: *Muzykal'noe iskusstvo i religiya* [Musical art and religion]. Moskva: Izdatel'skii dom Rossiiskoi akademii muzyki imeni Gnesinyh, pp. 80–91.

5. Beketova, N. V. (2019). Tvorchestvo Rakhmaninova v svete traditsii russkoi istoriosofii [Rachmaninoff's creativity in the light of the tradition of Russian historiosophy] *Yuzhno-russkii muzykal'nyi al'manah* [South-Russian Musical Almanac] No.1 (34). Rostov-na-Donu: RGK imeni S. V. Rakhmaninova, pp. 25–31.

6. Berdyaev, N. A. (2016). *Dusha Rossii* [Soul of Russia]. Moskva: Tsentrpoligraf. 254 p.

7. Berdyaev, N. A. (1991). *Mirosozertsanie Dostoevskogo* [Dostoevsky's world outlook] In: N. A. Berdyaev o russkoi filosofii. Tchast' 1. [N. A. Berdyaev about Russian philosophy. Part 1] Sverdlovsk: Ural state university, pp. 26–148.

8. Berdyaev, N. A. (1990). *Samopoznaniye. Opyt filosofskoi avtobiografii* [Self-knowledge (The philosophical autobiography experience)]. Moskva: DEM. 336 p.

9. Vysheslavtsev, B. P. (1994). *Etika preobrazhennogo erosa* [Ethics of the transformed eros]. Moskva: Respublika. 368p.

10. Il'yin, I. A. (1992). *Nashi zadachi. Istoricheskaya sud'ba i budushee Rossii. Stat'i 1948–1954: v 2 tomah. Tom 1.* [Our tasks. The historical fate and future of Russia. Articles 1948–1954: in 2 volumes. Vol.1]. Moskva: Rarog. 344 p.

11. Il'yin, I. A. (1993). *Put' k ochevidnosti* [The path to the obvious]. Moskva: Respublika. 431 p.

12. John, metropolitan of Sankt-Peterburg and Ladoga (1994). *Samoderzhaviye dukha. Otcherki russkogo samosoznaniya* [Autocracy of the spirit. Essays on Russian self-consciousness]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo L. S. Yakovlevoi. 352 p.

13. Korolenko, V. G. (1990). *Letopis' zhizni i tvorchestva* [Chronicle of life and work. 1917–1921]. Moskva: Kniga. 284 p.

14. Losev, A. F. (1990). Russkaya filisofiya [Russian philosophy]. In: *Losev, A. F. Strast' k dialektike* [Passion for dialectics]. Moskva: Sovetskii pisatel', pp. 68–101.

15. Sorokin, P. A. (1990). Osnovnye tcherty russkoi natsii v 20 stoletii [The main features of the Russian nation in the 20th century]. In: *O Rossii i russkoi filosofskoi kul'ture. Filisofy russkogo posleoktyabr'skogo zarubezh'ya* [About Russia and Russian philosophical culture. Philosophers of the Russian post-October diaspora]. Moskva: Nauka, pp. 463–489.

17. Trubetskoi, E. N. (1991). Tri ocherka o russkoi ikone [Three essays on the Russian icon] In: *Trubetskoi, E. N. Umozreniye v kraskah* [Mental images in colors]. Moskva: Info-Art, pp. 3–38.

18. Fedotov, G. P. (1990). Budet li suschestvovat' Rossiya? [Will there be Russia?] In: *O Rossii i russkoi filosofskoi kul'ture. Filisofy russkogo posleoktyabr'skogo zarubezh'ya* [About Russia and Russian philosophical culture. Philosophers of the Russian post-October diaspora]. Moskva: Nauka, pp. 450–462.

19. Frank, S. L. (1990). De profundis. In: *Iz glubiny. Sbornik statei o russkoi revolyutsii* [From the Deep. Collection of articles about the Russian revolution]. Moskva: Izdatel'stvo MGU, pp. 251–269.

Личный вклад соавторов

Бекетова Н. В.: Концепция исследования; сбор и обработка материала по теории и истории русской оперы.

Самсонова Т. П.: Анализ историко-философского дискурса, концептуализация сопряжения философской мысли с музыкальным творчеством.

Personal co-authors' contribution

Beketova N. V.: Research concept; collection and processing of material on the theory and history of Russian opera.

Samsonova T. P.: Analysis of historical and philosophical discourse, conceptualization of the connection of philosophical thought with musical creativity.

Об авторах

Бекетова Наталья Викторовна, кандидат искусствоведения, доцент, Российская государственная консерватория им. С. В. Рахманинова, руководитель Творческого центра «Рахманинов – Лосев: наследие», Ростов-на-Дону, Российская Федерация, e-mail: sintez49@yandex.ru

Самсонова Татьяна Петровна, доктор философских наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID-0Z06-0096, e-mail: tat4279@yandex.ru

About the authors

Natalia V. Beketova, Cand. Sci. (Art Hist.), Assistant Professor, Rakhmaninov Russian State Conservatory, Rostov-on-Don, Russian Federation, e-mail: sintez49@yandex.ru

Tatyana P. Samsonova, Dr. Sci. (Philos.), Assistant Professor, Pushkin Leningrad State University, Sankt-Peterburg, Russian Federation, ORCID-0Z06-0096, e-mail: tat4279@yandex.ru

Поступила в редакцию: 20.07.2020

Received: 20 July 2020

Принята к публикации: 24.08.2020

Accepted: 24 August 2020

Опубликована: 14.09.2020

Published: 14 September 2020